

“REMEZ”

№ 115

Декабрь 2021 г.

Электронная газета

Информация

общества любителей птиц

«Ремез»

С НАСТУПАЮЩИМ ВАС НОВЫМ 2022 ГОДОМ!

Поможем птицам! Зимой им прокормиться сложнее — земля промёрзла и покрыта снегом, световой день короче, времени на поиски пищи меньше, а энергии тратится больше. Тем более, что у птиц очень быстрый обмен веществ. Кто ещё не повесил кормушку или хотя бы просто не насыпал корм на утоптанную площадку, сделайте это, пожалуйста, немедленно!

ИНТЕРЕСНЫЕ ВСТРЕЧИ

Поздняя встреча **пеночки-зарнички** в дендропарке г. Алматы – 6 ноября 2021 г. Фото **Александра Катунцева**. Пролёт этого редкого здесь вида обычно заканчивается до октября.

Поздние встречи **желтоголовой трясогузки** у г. Талдыкоргана, где 27 ноября и 8 декабря её сфотографировал **Александр Беляев**. Там же 16 декабря её встретил и Г.Дякин. Обычно пролёт заканчивается до середины октября. В зимнее время эта трясогузка встречена впервые.

www.birds.kz

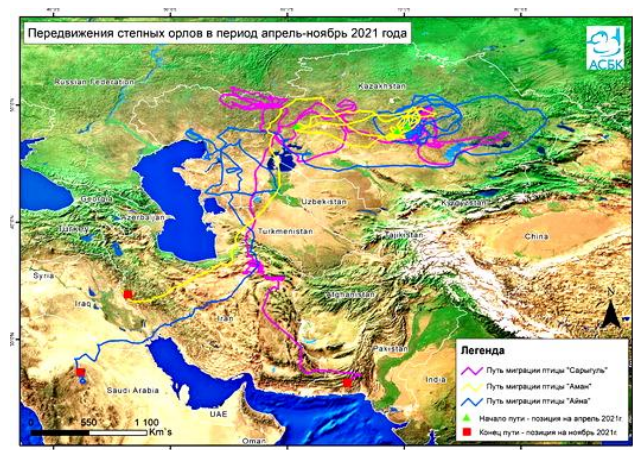

РАБОТА АСБК

СТЕПНЫЕ ОРЛЫ ПРИЛЕТЕЛИ НА ЗИМОВКУ

АСБК продолжает следить за передвижениями степных орлов, помеченных передатчиками в Центральном Казахстане в 2018 г. В весенне-летний период птицы передвигались по стране в пределах нескольких областей. Такой характер поведения означает, что они не гнездились. Степной орел достигает половой зрелости в 3-5 лет и поэтому в следующем году можно ожидать, что птицы начнут

гнездиться. Две особи - Айна и Аман - как и в прошлые годы, мигрировали в страны Ближнего Востока, а Сарыгуль в Пакистан.

Всего в 2018 г. было помечено 5 птенцов, и из них 4 выжили и начали свой первый миграционный маршрут. Одна птица в возрасте 2,5 лет была убита в начале этого года в Индии. О её судьбе можно прочитать в статье <http://www.acbk.kz/article/default/view?id=557>

Три орла продолжают передавать информацию, и стоит пожелать им благополучной зимовки и возвращения весной!

Работы по мечению орлов и слежению за их передвижениями ведутся в сотрудничестве со специалистами из Сибирского экологического центра.

ИЗЪЯТЫЕ БАЛОБАНЫ ВЫПУЩЕНЫ В ПРИРОДУ:

2 декабря 2021 г. в низкогорьях к востоку от Алматы были выпущены 18 соколов-балобанов, изъятых у браконьеров 21 ноября. Операция по задержанию проводилась инспекторами "ПО Охотзоопром" совместно с полицией, с участием Алматинской ОТИ лесного хозяйства и животного мира. Птицы были доставлены на передержку в соколиный питомник «Сункар». В комиссии по определению и активированию участвовал директор Центра прикладной биологии АСБК С.Л.Скляренко. Все птицы были осмотрены и сфотографированы. Для выпуска было выбрано место с хорошими защитными условиями и обилием большой песчанки – основного корма балобанов. На место выехала комиссия из разных организаций; перед выпуском все птицы были помечены кольцами.

Фото Ларисы Шахворостовой
([www.facebook](http://www.facebook.com))

ЗАМЕТКИ НАТУРАЛИСТА

Птичьи острова

У всех моих друзей, чьи юннатские годы прошли на Иртыше, самыми любимыми и заветными местами наблюдений за птицами были речные острова. У семипалатинских птицеловов и юных натуралистов таким был Полковничий остров, у усть-каменогорских – Комсомольский остров. Мои школьные годы прошли в селе Берёзовка на Иртыше, где на протяжении пяти километров находилось шесть островов: Корабликов, Долгий, Кругленький, Гомзов, Ефимычев и Нижний. Первый из них начинался у Поповских скал, последний оканчивался у обрывов Калиткинских скал у нижнего края села, где Иртыш круто заворачивал на запад, в сторону посёлка Таврия. Они тянулись друг за другом цепочкой, разделяя русло реки на две части: протоку вдоль правого скального берега и широкую паромную, вдоль левого. На каждом из островов были высокоствольные тополевые и ивовые рощи, труднопроходимые урёмы из черёмухи, крушины и тальников, перевитых хмелем, ломоносом и ежевикой. Местами имелись луга, поросшие жимолостью и шиповником. Все острова отличались друг от друга размерами и формой. Самым большим и

лесистым из них был Долгий остров, в виде полумесяца протянувшийся на полтора километра. Каждый из них имел свою историю и тайну, и, конечно же, легенды о спрятанных кладках.

Мой родительский дом стоял на обрывистом берегу Иртыша напротив острова Ефимычев. От нашего дома начиналась улица Кирова, тянувшаяся до самого центра посёлка. Каждый день я видел из окна судоходную часть Иртыша с мигающими на ней бакенами, летающими чайками и проплывающими речными кораблями, тянущими гружёные баржи. В семидесятые годы эту картину живописно дополняли быстроходные суда на подводных крыльях с названиями «Метеор» и «Беларусь», которые мы именовали «ракетами». Они стремительно пронеслись по реке, лихо заворачивая на излучинах. Все школьные годы у меня были связаны с рекой. Каждую весну я встречал ледоход на Иртыше, а в начале зимы – ледостав.

Хорошо помню, как в пору майского половодья на Иртыше я впервые попал с друзьями на остров Гомзов. В это время буйно цвела черёмуха, пели соловьи, азартно куковали кукушки и раздавались флейтовые голоса иволги. Из кустарниковых зарослей отовсюду доносилось пение разных птиц. Я тогда был шестиклассником и только начинал интересоваться птицами, поэтому долго бродил по кустам, прислушиваясь и рассматривая птичек, но опознать большинство из них не мог. – «Наверное, никогда я в них не разберусь», - в отчаянии думал я тогда. Но прошло несколько лет, и к десятому классу я уже знал почти всех птиц, которые водились в окрестностях Берёзовки. Я обошёл все окрестные сопки, скалы, лога и степные речки, но настоящим птичьим раем для меня стали иртышские острова. Это была замечательная школа юного натуралиста и я всегда с благодарностью вспоминаю эти места, подарившие мне радость общения с природой и птицами.

Пойма Иртыша входила в водоохранную зону, поэтому на островах была запрещена всякая хозяйственная деятельность, включая рубки леса, сенокошение, выпас скота, строительство. Эти правила строго соблюдались, поэтому на них не было построек, огородов, не случалось пожаров и не припомню случаев, чтобы жители окрестных деревень заготавливали там дрова. Большую часть года острова были безлюдными, лишь в жаркую летнюю пору на галечниковых и песчаных пляжах двух ближайших к селу островов появлялось много отдыхающих и

купающихся людей. К концу лета, когда протоки мелели, через некоторые из них вплавь или вброд нередко переходили лошади и коровы. Они чаще всего устраивались на дневной отдых

- отстой на продуваемых ветром мелких островках, где спасались от назойливых комаров, мошек и слепней.

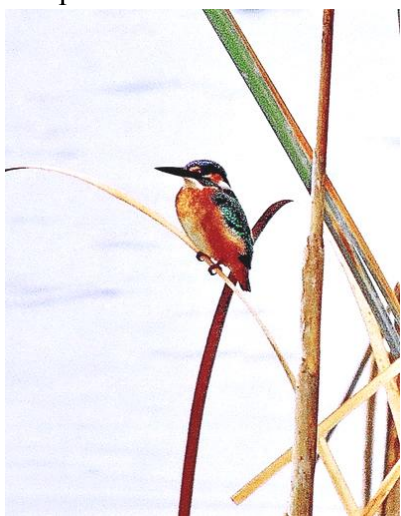
Попасть на острова, особенно дальние, было не просто. Имевшаяся в общем пользовании большая деревянная лодка была мало пригодна для подобных поездок – слишком уж тяжела и громоздка она была, и требовалось много времени и сил, чтобы загнать её вверх по реке, а потом грести тяжеленными вёслами. Для плавания на ней

требовалась целая команда гребцов. Поэтому в качестве плавсредства я стал использовать объёмные резиновые камеры от грузовых машин и колёсных тракторов. Укладывал поперёк

туго накачанной камеры две гладкие доски, ложился на них и грёб деревянными лопатками с короткими ручками. Укатив такое колесо до верхнего острова, переплывал на нём протоку, прятал в густых зарослях и отправлялся на экскурсию. Осмотрев один остров, перебирался на соседний и так с утра до вечера путешествовал от одного к другому, занимаясь поиском птичьих гнёзд, их описанием и фотосъёмкой. С этой целью у меня был небольшой походный рюкзачок со всеми необходимыми принадлежностями: записной книжкой, восьмикратным биноклем, фотоаппаратом, линейками, складным метром,

штангенциркулем, аптечными весами, набором разновесов, а также связками алюминиевых колец. Постепенно я разведаль все потайные уголки островов: затоны, озерки, густо заросшие ивняками и тростниками проточки и старицы. На островах в семидесятые годы обитало множество птиц – я нашёл на них свыше 40 гнездящихся видов. По густым зарослям татарской жимолости и шиповника я особенно часто находил гнёзда чечевиц, европейских

жуланов, ястребиных и серых славков. В ивняках можно было увидеть поющих самцов варакушек, тростниковых овсянок, дубровников и камышевок-барсучков. На лугах часто встречались жёлтые трясогузки, а среди высокотравья черноголовые чеканчики и малые бормотушки. Однажды удалось обнаружить гнездо болотной совы. В ивовых и тополевых рощах всюду жили серые вороны, сороки, пустельги, иволги, дрозды-рябинники, полевые воробьи, изредка – вертишейки, зелёные пеночки и обыкновенные овсянки. Иногда под корягами и валежинами удавалось находить гнёзда куличков-перевозчиков, лесных коньков и маскированных трясогузок. Практически на каждом острове жило по паре луговых луней, занимавших обширные заросли шиповника. В одно засушливое лето на кочкарниковом

болотце, густо поросшем цветущей ромашкой, поселилась пара степных луней, успешно выкормившая четверых птенцов. В норах обрывистых берегов поселялись зимородки и ласточки-береговушки. Самыми увлекательными были посещения колоний речных крачек. Первая из них находилась на галечниковых буграх, поросших колючим дурнишником, у

верхней оконечности острова Корабликов. Вторая, самая крупная, насчитывающая несколько десятков пар, располагалась на песчано-галечниковом пляже излучины Долгого острова. Вместе с ними всегда гнездились до десятка малых крачек и несколько пар малых зуйков. Один раз на песке среди камней в колонии крачек устроил своё гнездо козодой. Два года подряд на краю этой колонии особняком гнездилась пара сизых чаек. Ежегодно вместе с ними поселялись беспокойные и крикливые кулики-сороки. А вот гнездо большого кроншнепа отыскать не повезло. Беспокойные голоса этих куликов, доносившиеся с лугов левого берега Иртыша, я частенько слышал во время пребывания на островах. Однажды не удержался и сплавал туда через широкую реку, но сколько не выслеживал, найти не смог – слишком уж осторожными они были. Но зато нашёл выводок белокрылых крачек с докармливаемыми птенцами. В те годы эти крачки были большой редкостью и только начинали расселяться, и эта находка была первым подтверждением их гнездования в верхнем течении Иртыша.

В начале лета я совершал пешком дальний маршрут на острова Иртыша до села Предгорное, в 8 км выше Берёзовки. Там было два острова – Элеваторный и Вороний. На последнем находилось большая колония грачей, птенцов которых я ходил кольцевать. Перевалив несколько степных увалов, спускался на берег Иртыша у колхозного сада и переплывал на Вороний остров, поросший густым лесом. Кроме грачей он интересовал меня ещё по другим причинам. Здесь я нашёл на гнездовании ремезов и белых лазоревок, которых не было у Берёзовки. А на одной из глухих проточек среди высокоствольного ивового леса увидел парочку необыкновенно эффектных уток – лутков. Первый раз я встретил их во время майского посещения, затем в июне. Поэтому была у меня тайная надежда найти их выводок с птенцами. Пока выслеживал лутков, отыскал и описал гнёзда чирка-свистунка, коршуна, ушастой совы и кулика-сороки.

Плавание на надувной камере иногда проходило с приключениями. Один раз во время весеннего паводка вернувшись после осмотра острова к месту, где было спрятано «колесо», я обнаружил, что оно наполовину «похудело» - спустило. Пришлось спрятать рюкзак с вещами в укромном месте и отправляться через полноводную реку налегке, но это оказалось не просто и рискованно. Стоило мне сесть на камеру, как я сразу же погрузился в воду по самую грудь. Чтобы продвигаться вперёд, пришлось усиленно грести руками под водой. Когда добрался до противоположного берега, вода была уже мне по самые плечи. После этого случая стал я брать с собой насос, чтобы иметь возможность подкачивать камеру в критических ситуациях. Другой раз, переплыв широкую судходную часть Иртыша, я вытащил «колесо» на песчаный берег и в этот момент оно оглушительно лопнуло. Такое случилось, скорее всего, потому, что камера была слишком туго накачана и долго находилась на солнце. Если бы она лопнула в

глубоководной части реки с быстрым течением запросто можно было бы утонуть или утопить бинокль, фотоаппарат и другие ценные для меня вещи. Тем не менее, особого страха перед рекой я не испытывал, так как с детских лет хорошо плавал и был уверен, что в любом случае смогу добраться вплавь до берега.

В восьмом классе школы у меня состоялось знакомство с орнитологом Борисом Васильевичем Щербаковым, сразу изменившее мою жизнь деревенского юнната-одиночки.

Во время первой же экспедиции с ним я освоил препараторское дело и довольно быстро научился делать тушки птиц, необходимые для научных целей. Вскоре обзавёлся ружьём и стал собирать орнитологическую коллекцию. Это занятие увлекало меня своей охотничьей романтикой, сложностью выслеживания и добывания птиц, научной ценностью некоторых экземпляров. Коллектирование помогало быстрее осваивать полевое определение птиц, так как бывали такие сложные виды, опознать которые можно было только держа птицу в руках. Конечно же, хотелось

сделать хотя бы небольшое научное открытие – найти новую для наших краёв птицу, которую раньше здесь никто не отмечал. И такие радостные события у меня нередко случались. Так в моей жизни увлечение птицами юного натуралиста незаметно переросло в серьёзные занятия орнитологией. Были у меня тогда свои заветные охотничьи уголки, где всегда можно было встретить уток и других интересных птиц, особенно куличков. Одним из таких мест было Берёзовское озеро, другое – Глусарёвка, густо поросшие ивняками островки напротив Долгого острова. С виду они были ничем не примечательны, но стоило забраться туда и очутиться на мелководьях между ними, всегда можно было отыскать и добыть в коллекцию что-нибудь интересное. Именно здесь моя коллекция в те годы пополнилась такими редкостями для Верхнего Иртыша как гусь-гуменник, шилоклювка, лесной дупель, азиатский бекас, плосконосый плавунчик и другие интересные птицы. Тушки большинства этих птиц сохранились до сих пор и находятся сейчас в орнитологической коллекции Института зоологии в Алматы.

Н.Н.Березовиков,
Фото В.Н.Дворянова

ДВУХЦВЕТНЫЙ ПИТОХУ

Открытие того, что птицы могут быть ядовитыми сделано относительно недавно. Обсуждение этого феномена периодически взрывает интернет, но через пару-тройку дней об этом все забывают, что и обеспечивает эту периодичность. Но для меня, как орнитолога, интересен факт как собственно коллеги допёрли до такой идеи?

А дело было в далёкой Новой Гвинее. Jack Dumbacher — куратор отдела орнитологии и териологии Калифорнийской академии наук, занимался привычным утренним делом полевых орнитологов — выпутывал птиц из сетей. Промерял, брал пробы крови и тканей. Дело это не то чтобы простое, обычно после пары первых дней таких занятий, руки покрываются десятками царапин и порезов разной глубины. Выпутывая очередную красивую птицу — двухцветного питоху (*Pitohui dichrous*) — Джек почувствовал резкое

жжение в одном из порезов и, недолго думая, по простой людской привычке, лизнул порез языком и

губами, которые тут же начали гореть как от ожога, и онемели. Жжение не проходило несколько часов. После того, как неприятные ощущения отступили, а сомнения в причинах злключения так и продолжали мучить учёного, он засунул себе в рот уже целое перо питоху! Экспериментатор! Эффект был сходный, но только более серьёзный...

Потом уже выяснили, что в оперении питоху содержится сильнейший яд небелковой природы — батрахотоксин. Тот самый яд, что оберегает южноамериканских лягушек-древолазов и который используют индейцы для охоты, ну, или при военных стычках. Полученным из лягушек ядом они смазывают наконечники стрел для духовых трубок; после меткого попадания жертве остаётся не больше 4-5 минут мучительной жизни. Яд вызывает сильнейшую аритмию и остановку сердца, а противоядие до сих пор неизвестно.

Ни питоху, ни лягушки не умеют самостоятельно вырабатывать яд, в кожных покровах он накапливается при питании определёнными ядовитыми насекомыми. В случае с птицами это жуки *Choresine* (семейство *Melyridae*). Джеку несказанно повезло, что концентрация батрахотоксина в перьях многократно ниже, чем у амфибий!

Ядовитость - вещь, несомненно, полезная! Конечно для какой-нибудь конкретной бедняги она вряд ли поможет, когда её поймают ястреб или древесный удав, но получив массу неприятных ощущений и набравшись опыта, со второго-третьего раза уже никто из хищников не захочет повторения! Любопытно, что и кровососущие паразиты недолюбливают питоху...

У меня только один вопрос с их ядовитостью остаётся не понятным: как они насиживают и греют птенцов пока те в гнезде?

ДЯТЕЛ - МАЗОХИСТ

Мало найдётся людей, которые по собственной инициативе, в здравом уме, захотят отдохнуть сидя на муравейнике без скафандра. Муравьи - ребята боевые и дружные, непрошеного гостя атакуют толпой. Кусаются как черти, некоторые виды, типа огненных муравьёв, причиняют невыносимую боль. Но каштановому дятлу-гренадёру (*Celeus castaneus*) было надо! Он разворошил гнездо древесных муравьёв в полудупле, и устроился сверху, раскрыв крылья и распушив перья.

Было видно, что ему больно от укусов, он мотал головой, постоянно встряхивался, но не улетал, выдержав минуты две-три. Такие процедуры протравки собственного оперения муравьиной кислотой практикуют многие виды сов, врановых, куриных, дятлов. Обладая инсектицидными свойствами, муравьиная кислота помогает птицам избавляться от кожных и перьевых паразитов - пухоедов, блох, клещей.

Сергей Волков, фото автора
(www.facebook)

КАК КРАПИВНИК СМЕРТИ ИЗБЕЖАЛ

Гуляли с ребенком на набережной Актау. Пасмурно, погода портится, ветер набирает обороты. Из чаек на глаза попадают лишь озерные, реже – сизые, еще реже – хохотуньи. Летают вдоль набережной туда-сюда, кружат. Те чайки, которые на камнях отдыхают, повернулись не в сторону солнца, как обычно они это делают в дообеденные часы, а против ветра – на северо-запад. Поэтому предстали моему взору спинами, пришлось обходить, чтобы разглядеть клювы (все высматриваю среди сизых старую знакомую – делавэрскую чайку, но пока не встретилась). Далеко над морем на север пролетела стая красноносых нырков. Чуть ближе к берегу – хохлатые чернети металась то в одну сторону, то в другую. Немногочисленные кряквы и пара свистунков отдыхали среди чаек. Пустельга зависла над тростниковыми зарослями. Воробьев в такую погоду не слышно и не видно.

Пластиковые листья искусственных пальм ритмично стучат о стволы, да ветер играет на струнах флагштоков.

Вдруг из прибрежных зарослей вылетела маленькая птичка и неуклюже понеслась, подгоняемая ветром, над брусчаткой широкой набережной. Плюхнулась аккурат перед двумя спортсменами на спортивной площадке. Те удивились. Я - не меньше. По характерной фигурке было понятно, что это крапивник. Я подошла ближе, заинтересовавшись мужчины тоже, с намерением подобрать птаху, вдруг ранена. Птица ошалело поглядывалась и махнула дальше в крону деревьев. Вскоре над этими деревьями появилась пустельга, но, повисев секунд пять, как бы раздумывая, унеслась прочь. Было не понятно, кто или что стало причиной столь поспешного бегства из укрытия прямо в ноги к людям, как бы ища защиты. Кошка, коих здесь достаточно, или неуспешная атака пустельги? Но вроде для этой маленькой птахи все обошлось, и она скрылась в неизвестном направлении.

Анна Ясько (www.birds.kz)

МЕДВЕЖАТА - СИРОТЫ

Весной 2017 года инспекторы Западно-Алтайского государственного природного заповедника обнаружили на охраняемой территории двух истощённых медвежат, которые, по каким-то причинам, лишились матери.

Администрация заповедника забила тревогу. Зоопарки Казахстана и России отказались взять медвежат-сирот под свою опеку.

Медвежата были настолько беспомощны, что самостоятельно добывать корм не могли, и их подкармливали инспекторы кордона "Коксинский" и пограничники.

Однажды, после длительных дождей, мокрые медвежата даже забрели на ночёвку в дровник на кордоне.

Не трудно догадаться, что ждёт медвежат. Они не в состоянии самостоятельно добывать себе корм, а значит, попросту обречены на голодную смерть.

Надеюсь, в Казахстане найдётся порядочный человек, который возьмёт под свою опеку медвежат-сирот, оставшихся без матери.

И такой ЧЕЛОВЕК нашёлся. Им стал директор Усть-Каменогорского этнографического парка, расположенного на левом берегу Иртыша, Николай Алексеевич Зайцев.

Теперь, когда я привожу студентов Восточно-Казахстанского Университета на экскурсию в этнопарк, показываю повзрослевших медвежат, я вспоминаю свою встречу с медвежатами - сиротами, которых я нарёк именами: Гоша и Даша.

Почему-то мне вспомнился эпизод, связанный с медведем, когда во время прогулки по Царскосельскому парку на царя напал медведь, и монарх был вынужден ретироваться. Кудрявый забияка - лицеист Саша Пушкин на это отреагировал мгновенно: "В России нашёлся один порядочный человек, и тот медведь".

Константин Прокопов, фото автора

ПОЛЕВЫЕ БУДНИ

Летом, в начале семидесятых трудяга «ГАЗ-51» таскал на себе наш орнитологическо-паразитологический отряд Института зоологии из 6-8 человек с двумя лодками (большой дюралевой «Казанкой» и деревянной плоскодонной «байдаркой»), парой подвесных моторов, бочкой бензина, недельным запасом воды и продуктов, не говоря уже о других обычных в поле вещах. Машина автобазы АН Каз.ССР была крыта брезентовым тентом, под которым после загрузки оставалось пространство сантиметров в 40-45. Туда мы и забирались с заднего борта и по-пластунски, тщательно пригибая головы, доползали до переднего. Мне, как самому молодому, полагалось испытывать тяготы и лишения полевой жизни в полной мере. Поэтому, кроме постоянного мытья посуды выделено было самое неудобное место в машине – на бочке с бензином, покрытой кошмой и спальным мешком. Это только звучит мягко. Все равно не удавалось избежать синяков и ссадин – все покрывала считали своим долгом выскользнуть и предоставить моим ребрам самостоятельно гасить удары о бочку. Лежа на животе мы были вынуждены амортизировать своими локтями, отчего на них от постоянного трения о кошму и брезент образовались мозоли не хуже верблюжьих, и пригибать голову, чтобы не треснуть ее о верхнюю дугу тента, или, того хуже, один из пяти болтов на ней. После очередной кочевки, а они случались часто, экипаж хвалился новыми синяками, проклиная шофера дядю Мишу вместе с его девизом «Больше скорость – меньше ям» и тот день, когда он сел за баранку этого «пылесоса». Между прочим, по иронии судьбы, в автобазе тогда дядя Миша числился инженером по технике безопасности.

Тесное пространство в кузове, где мы гнездились, было чем-то вроде гибрида аэродинамической трубы и пылесоса с той лишь разницей от последнего, что не вся пыль задерживалась на наших волосах и лицах, а частично выдувалась наружу. Порой, вместе с нашими кепками или носками, плохо закрепленными для проветривания на задней дуге тента. Там же у нас вялилась рыба и куски сайгачатины в марле от мух. Таким образом, лежа на пузе, мы проехали центральный Казахстан от Иргиза через всю Тургайскую депрессию к озерам Кургальджинской системы и далее до Целинограда.

Вечно пыльные и нечесанные мы являли странное для местных жителей зрелище, никак не увязывавшееся с образом исследователей, который сложился по классическим советским фильмам типа «Девять дней одного года». К тому же мы, молодые лаборанты Сашка Грачев и я, усугубляли ложное представление о молодых ученых, горлая при въезде в аулы любимую песенку из мультфильма: «А кто увидит нас, тот сразу ахнет, и для кого-то жареным запахнет...». Еще как ахали, охали и кричали вслед что-нибудь позабористее. Однажды, когда заехали в г. Тургай отправить домой самолетом одного из членов отряда, закончившего работу, подрулили прямо к гостинице и проводили зоолога, одетого по моде парижских клошаров, к стойке администратора. Попросили устроить его переночевать всего на ночь, до первого самолета. Бабка администраторша тут же выдвинула обязательную для гостиниц той поры табличку «Мест нет» и несмотря на предъявленное командировочное удостоверение заблажила: «Ой-бай, турма ему ночевайт, а не гостиница». Мы, разумеется, обиделись, но не стали препираться, а в отместку после обеда в гостиничной столовой прихватили ложки-вилки, пару стаканов и гордо удалились. Посчитали это компенсацией морального ущерба, случившегося весьма кстати, так как наша экспедиционная посуда частично пришла в негодность или потерялась.

Вскоре нам пришлось отклониться от маршрута, срочно доставляя одного из наших к ближайшей железнодорожной станции - Аральску. Когда его посадили на поезд до Алма-Аты, была уже глубокая ночь. Следовало позаботиться о ночлеге. Выехали, как нам показалось, подальше от города, расположились на берегу бухты полноводного тогда еще Аральского моря и раскинули свои масаханы, спасаясь от гнуса. Дядя Миша и я улеглись в кузове, остальные четверо – на кошме на свежем воздухе, не желая обонять испарения бензина под тентом. Не прошло и часа как окрестности огласили редкие по своей насыщенности и интенсивности переборы великолепной брани. Оказалось, что в ухо Э.М.Ауэзова, начальника экспедиции, залезла ухвертка. До того случая я был уверен, что все рассказы о дурных наклонностях этих малоприятных, по правде говоря, насекомых – это только

легенды. Ну, что-то вроде баек о летучих мышах, вцепляющихся в волосы. Дядя Миша порадовался за нас и заявил, что таковы преимущества безопасного, хотя и пахучего кузовного образа жизни. Он также высказал пророческое опасение, что спокойно нам доспать в эту ночь не дадут – раз уж она началась так скверно, то продолжение непременно последует. К сожалению, он оказался прав.

На рассвете нас разбудила еще более страшная ругань в купе с жутким нечленораздельным ревом. На сей раз покой был нарушен любопытными верблюдами, один из которых решил попробовать на вкус марлю масахана. Надо заметить, что домашние животные Кызыл-Ординской и Мангышлакской областей имеют тягу к несъедобным для животных других регионов страны предметам – картону, газетам и тряпкам, включая откровенно токсичные носки. Верблюд решил отведать свежей марли и наступил на шефа. Благо это была мягкая верблюжья нога, а не лошадиное копыто. Но все равно, полагаю, чувствительно, судя по децибелам разъяренного мата. Верблюд с товарищами удалился, ревом оглашая окрестности, и понукаемый ударами ружейного приклада. Мы же стали осматриваться и обнаружили свой бивак едва ли не в городе. Ночью нас обманули пропавшие огни – они, как оказалось, просто выключались в полночь. Оставалось только, пока не проснулись аборигены, умыться в море и вырुлить обратно в пустыню.

С тех пор я всегда предпочитал спать в кузове – надежном убежище, даже если там и пованивало чем-то далеким от «Шанели». Зато нет нужды переползать куда-то спросонья, если пошел дождь, или вытряхивать из ботинок фаланг и скорпионов поутру. Привык обшаривать масахан с фонарем перед сном. А еще, стал держать в рюкзаке неприкосновенный комплект чистой одежды на всякий случай.

Артём Полканов

Птицы – это жизнь, вся, моя!

С наступающим новым годом вас, дорогие друзья и коллеги! Пусть он принесёт вам много нового, интересного! А уходящий, 2021 год для меня был особенным, знаменательным. Ведь исполнилось 50 лет со дня моего поступления на работу в лабораторию орнитологии Института зоологии АН КазССР. И с уверенностью скажу, что это событие стало главным на моём тогда только

начинающемся жизненном пути. Окончив среднюю школу, я тогда ещё не решил окончательно, что буду делать дальше: продолжать учёбу, может быть, поступлю на работу, или уеду из Казахстана в центральную Россию к близким родственникам, которые не раз приглашали меня, и так далее... Но одно тогда я уже знал твёрдо - в моей будущей профессии и в моей жизни обязательно должны быть птицы. Причём, непременно птицы в дикой природе, а не, скажем, птицы дома в клетках, или в вольерах зоопарка, которыми увлекался с раннего детства. К тому времени я уже был знаком и с некоторыми орнитологическими публикациями. Была в нашей районной библиотеке книга В.Н.Шнитникова «Птицы Семиречья», а у

моего товарища Вити Панченко была популярная книга Ф.Ф.Остапова «Певчие птицы нашей родины». Также, был знаком я с изданной в 1968 г. книгой И.Ф.Бородихина «Птицы Алма-Аты». Любовь к нашим пернатым братьям, страстное желание постоянно видеть и слышать их, наблюдать за ними, зародились во мне с детства. Этому в немалой степени способствовали также и всегда бытовавшие в нашей семье ближние и дальние походы, выезды на природу Алма-Атинской области - в горы, пустыню, на реки и озера, где птицы встречались буквально всюду.

Поэтому, начав работать летом 1971 г. в лаборатории орнитологи, я словно окунулся в родную стихию, целиком поглотившую меня на многие десятилетия. В то время в лаборатории трудились замечательные люди, признанные специалисты-орнитологи: Э.И.Гаврилов, М.Н.Корелов, М.А.Кузьмина, А.Ф.Ковшарь, И.Ф.Бородихин, А.М.Сема, Э.М.Ауэзов, Ю.Н.Грачев и ещё группа их помощников-лаборантов. Тематика научных исследований в те годы была обширной. Она включала, прежде всего, фауну птиц Казахстана, которая во все периоды, как, впрочем, и сейчас, не остаётся неизменной и требует постоянного пристального внимания. Также интенсивно изучались тогда сезонные миграции птиц, распространение и биология некоторых хищных птиц, гнездование горных видов, морфология тетеревиных и фазановых и ещё ряд актуальных в те годы орнитологических вопросов и проблем.

И первая же моя поездка в экспедицию – осенняя работа на Чокпакском орнитологическом стационаре в Южном Казахстане – буквально ошеломила меня. Такого количества видов птиц и такой их численности ранее я даже не мог себе представить. Возвратился я из этой первой экспедиции абсолютно счастливым человеком. А далее с течением времени, родная теперь уже орнитологическая стихия приобрели для меня стремительный, прямо-таки космический, характер. В лаборатории появились новые, молодые и энергичные сотрудники, которые также стали орнитологами по призванию: А.П.Гисцов, В.В.Хроков, Б.М.Губин, В.Г.Березовский; с ними я вместе, бок-о-бок, трудился впоследствии много лет. После пяти сезонов работы на Чокпаке, у меня были аналогичные экспедиции в долину р. Урал, а затем на Алакольские, Коргалжинские и Торгайские озера. В каждом из этих благословенных мест я готов был работать не по 2-3 месяца (обычная продолжительность наших экспедиций), а по 2-3 года. Потому что, любой очередной сезон выполненных исследований приносил новые находки, малые, а иногда и большие открытия, встречи с новыми видами птиц, как и знакомство с новыми интересными людьми.

Несколько замедлился стремительный ход этого прекрасного для меня времени в годы исследований на озере Сорбулак близ Алма-Аты. Здесь я, совместно с Э.М.Ауэзовым, В.Г.Березовским, В.В.Хроковым, А.Э. Гавриловым и С.В.Шимовым изучал сезонные миграции водных и околоводных птиц довольно длительный период – с 1977 по 1986 годы. Также мною здесь были собраны интересные круглогодичные данные по закономерностям формирования орнитофауны на сточном водоёме, которые позднее были оформлены в виде кандидатской диссертации (1986 г.). Далее, аналогичные исследования нашей группой были выполнены на водоёмах бассейнов рек Шу и Сырдарья.

А в 1990-е годы значительно активизировалось международное сотрудничество казахстанских орнитологов. Особое место в нём было отведено изучению редких, глобально угрожаемых видов птиц: дрофы-красотки, гуся пискульки, краснозобой казарки, сокола балобана, кречётки, и мест их обитания. Итогом этих исследований стал большой перечень важнейших мест обитания, как названных, так и других видов, получивших статус Ключевых Орнитологических Территорий (КОТ). И я, наравне с коллегами, с большим энтузиазмом принимал участие во многих из этих работ. Особо

был работать не по 2-3 месяца (обычная продолжительность наших экспедиций), а по 2-3 года. Потому что, любой очередной сезон

отмечу, что именно благодаря этим исследованиям, в частности Международной Группой по Гусеобразным, я в те годы приобрёл множество новых друзей, побывал едва ли не в 30-ти зарубежных поездках, полюбовался многими, в том числе и экзотическими, видами птиц. Но это уже другая тема...

В начале 2000-х гг. масштабные орнитологические исследования сменились локальными, а в

ряде казахстанских регионов и точечными наблюдениями. Эти действия были предусмотрены рядом международных конвенций, к которым в тот период присоединился и Казахстан (Боннская, Рамсарская и др.). Большую актуальность приобрела тематика исследования птиц, как индикаторов состояния среды обитания. И в этих работах я, как и ряд моих коллег, принимали активное участие.

Но, к большому сожалению, по ряду причин, в том числе объективных, около пяти лет назад я вынужден был покинуть родную Алма-Ату и переселиться в другую, по существу не знакомую для меня, географическую зону в Северо-Западной России. И сейчас я живу в г. Санкт-Петербург. Но, по родному Казахстану, и, особенно, по птицам, безмерно скучаю, при каждой возможности навещаю их. Безусловно, что в Санкт-Петербурге и его окрестностях тоже обитает множество разнообразных птиц (без малого 300 видов). И конечно же, отправляясь сюда, я был полон планов и надежд продолжить работу в качестве орнитолога. Но, обстоятельства оказались сильнее, жизнь распорядилась по-иному. Для меня стали невозможными дальние поездки, столь романтическая

и вместе с тем, непростая, требующая немало сил, длительная полевая жизнь. И всё-таки, вопреки обстоятельствам и насколько это позволяет моё физическое здоровье, я продолжаю общение с моими пернатыми друзьями. Здесь немало оседлых видов, особенно, среди воробьиных. И большинство их можно встретить прямо у моего дома, особенно зимой, у вывешенной кормушки. Как и в прежние времена, птицы остаются для меня главным источником вдохновения. А если удаётся подметить что-нибудь любопытное, особенное, то делюсь этим со своими друзьями и коллегами. В том числе и с вами, читателями

«Ремеза». Всего наилучшего вам в наступающем году и всегда!

С.Н. Ерохов, фото автора

ЛЮБОПЫТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ОРНИТОЛОГОВ

Описание охоты серых ворон на свиристелей, кормящихся ягодами рябины в г. Гомеле. Подлетающих к дереву птиц вороны на лету сбивали ударом клюва в шею, после чего на земле отрывали им головы, затем ощипывали брюшко и начинали есть. Головы прятали в куче опавших листьев. Всего найдено 6 убитых свиристелей. *(подробнее в статье: З.А.Горошко. Серые вороны охотятся на свиристелей// Русский орнитологический журнал, 2021, т. 30, № 2086).*

В декабре 2020 г. в Семипалатинском Прииртышье наблюдалась охота дроздов-рябинников на снежных комариков. Птицы склёвывали мелких насекомых на плывущих по Иртышу льдинах. Одновременно в одном месте собиралось до 30 дроздов. *(подробнее в статье: Н.Н.Березовиков, А.С.Фельдман. Питание рябинников снежными комариками во время зимнего движения льда на Иртыше// Русский орнитологический журнал, 2020, т. 29, № 2007).*

В декабре 2020 г. в Усть-Каменогорске на набережной Иртыша наблюдалась серая ворона, выклевывавшая гашёную известь с побелённой коры в нижней части ствола сосны. (подробнее в статье: Н.Н.Березовиков. Известь в минеральном питании серой вороны// Русский орнитологический журнал, 2021, т. 30, № 2024).

Зимняя встреча серого снегиря в ущелье Кызылаус – 11 декабря 1953 г. там были добыты самец и самка. Тушки хранятся в орнитологической коллекции Института зоологии МОН РК. (подробнее в статье: М.А.Кузьмина. Зимний залёт серого снегиря в горы Чулак и Джунгарский Алатау// Русский орнитологический журнал, 2021, т. 30, № 2115).

О зимовке серых снегирей в Семиречье в 1953/54 гг. На южной окраине Алма-Аты 20 декабря, 2 января и 7 марта были добыты 3 птицы. О встречах этих снегирей в окрестностях города сообщали и местные птицеловы. (подробнее в статье: Э.Ф.Родионов. Зимовка серого снегиря в окрестностях Алма-Аты в 1953/54 году// Русский орнитологический журнал, 2021, т. 30, № 2116).

В Чу-Илийских горах 26 декабря 1965 г. была добыта самка серого снегиря. (подробнее в статье: Э.Ф.Родионов. Зимний залёт серого снегиря в Анархай в Чу-Илийских горах в декабре 1965 годв// Русский орнитологический журнал, 2021, т. 30, № 2117).

КИНЗ-ИНФОРМ

(Калейдоскоп **интересной, необычной, забавной** информации)

В конце 2020 г. анонимный онлайн-покупатель из Китая, известный под псевдонимом Супер Дупер, заплатил за голубя по кличке "Нью Ким" 1.8 млн. долларов. А в Великобритании селезень мускусной утки был продан на аукционе за 1500 фунтов стерлингов

О пеликанах:

Масса пеликанов, розового и кудрявого, может достигать 14 кг. Самый мелкий вид – американский бурый пеликан – весит всего 4.5 кг.

Подклювный мешок пеликана вмещает до 13 кг.

У пеликанов нет ноздрей, они дышат через клюв.

За 8 месяцев одна пеликанья семья из четырёх особей съедает около тонны рыбы.

Выкармливая потомство, пеликаны отрыгивают переваренную пищу в мешок, а птенцы достают её из широко раскрытого клюва.

Предки пеликанов появились 40-50 млн. лет назад, и с тех пор птицы почти не изменились.

На раннем этапе христианства верили, что птицы, разрывая грудь, кормят птенцов собственной кровью. Поэтому пеликана как символ самопожертвования часто изображают на гербах.

ОТЗЫВ

Большое спасибо за очередной номер вашей орнитологической, очень интересной и такой естественно-натуралистической газеты. Молодцы! С большим интересом всегда читаю и восхищаюсь. Я теперь еще больше полюбила такой необычный, красивый и разнообразный мир удивительных созданий — птичек. Жаль, что поздновато для меня. Но очень хорошо. Еще раз, большое спасибо! **Татьяна Трошина.**

АНЕКДОТЫ

Знаете, все дело в птицах:

детей приносят аисты, проблемы — дятлы, кашу — сорока, почту — голуби, новости пишут утки, сроком жизни распоряжается кукушка; с утра мир принадлежит жаворонкам, ночью — совам. И только ворона, как истинный буддист, пропускает всю эту суету мимо клюва. Хотя... Она ведь может и накаркать...

– Заяц, выпить хочешь? – Хочу. – Вот тебе бабки, дуй в магазин! Заяц взял деньги и помчался. Как только он скрылся из вида, волк говорит лисе: – А ловко ты придумала, рыжая, чтобы закуска нам еще и за водкой сгоняла!

Самое полезное животное – это свинья. От неё можно использовать абсолютно всё – мясо для пищи, шкуру для кожи, щетину для щёток, название для оскорблений.

Слово - не воробей! Вы когда - нибудь трехэтажного воробья видали?!

— Кукушка, кукушка, накукуй мне 200 лет — А на кукуй тебе столько?

*С наступившим Новым годом!
Ты меня не бойся. Белочка приболела, теперь к орнитологам я вместо неё в гости прихожу.*

Внимание! Все номера газеты «Remez» можно прочитать и скачать на сайте АСБК www.acbk.kz. Порядок доступа к электронному варианту газет «Remez» следующий: на Главной странице активируете «Зона данных», на странице Библиотека - «Журналы», на странице Журналы о природе – «Газета «Общества любителей птиц «Remez». (Надпись на выделенной зеленым полосе в нижней части страницы).

Газета «Remez» выходит с февраля 2005 года.

Редакция:

В.В. Хроков

В.Н Дворянов (иллюстрации и дизайн)

(тел.373 36 60) Email: vkh.remez@mail.ru

(тел.230 42 30) dvorianov36052@mail.ru

Логотип ОЛП – Ф.Ф. Карпов

Тираж 90 экз.

